

Посвящается Ольге, которая выстояла

Мир — круглая стена из серого бетона. В мире глухие и гулкие звуки. Мир — окружность вдвое шире распростертых рук. Первым, что мальчик выучил в этом круглом мире, были его новые имена. Имен у него два. Он предпочитает, чтобы его звали Сыном. Это имя он заслуживает, когда все делает правильно, когда слушается, когда мысли у него ясные и быстрые. В противном случае его имя — Скотина. Когда мальчика зовут Скотиной, его наказывают. Когда мальчика зовут Скотиной, он мерзнет и голодает. Когда мальчика зовут Скотиной, круглый мир воняет.

Если Сын не хочет превратиться в Скотину, он должен беречь выданные ему вещи и всегда ставить их на место. Ведро, куда он справляет нужду, всегда должно быть привязано к перекладине, чтобы его можно было быстро опустошить. Кувшин для воды всегда должен стоять в центре стола. Постель всегда должна быть чистой и опрятной, с тщательно заправленным покрывалом. Поднос для еды всегда должен стоять рядом с люком.

Люк — центр круглого мира. Это капризное божество, мальчик боится его и почитает. Люк может в любой момент распахнуться или оставаться закрытым на протяжении нескольких дней. Люк может даровать пищу, чистую одежду и постельное белье, книги и карандаши или сурово покарать.

Ошибки всегда наказываются. За мелкие ошибки — голод. За более значительные — холод или невыноси-

мая жара. Однажды стало так жарко, что он перестал потеть. Рухнул на бетон и подумал, что умирает. Его простили, обдав холодной водой. Он снова стал Сыном. Ему разрешили попить и выплеснуть зудящее мухами ведро. Наказывают в круглом мире сурово. Точно и неумолимо.

Мальчик верил в это, пока не обнаружил, что круглый мир несовершенен. В круглом мире есть трещина. Эта трещина длиной с его указательный палец открылась в стене как раз там, где в бетон вделана перекладина, на которой висит ведро.

Несколько недель мальчик не решался рассмотреть ее поближе. Он знал, что она есть, она давила на границы сознания и жгла огнем. Мальчик знал, что заглядывать в трещину Запрещено, потому что в круглом мире под запретом все, что не разрешается напрямую. Но как-то ночью мальчик не устоял. Впервые за долгое время — бесконечно однообразное время круглого мира — он нарушил правила. Осторожно, не торопясь, обдумывая каждое движение. Встал с постели и притворился, что упал.

Глупая Скотина. Негодная Скотина. Он притворился, будто опирается на стену, чтобы подняться, а сам всего на мгновение прижался левым глазом к трещине. Он не увидел ничего, кроме темноты, но еще много часов обливался потом от страха при мысли о непомерности собственного проступка. Много часов он ждал наказания и боли. Ждал холода и голода. Но ничего так и не последовало. Мальчик был потрясен. В эти часы неопределенности, превратившиеся в бессонную ночь и горячий день, мальчик понял, что не за каждым его действием наблюдают. Не каждое действие взвешивают и оценивают. Не за каждое действие вознаграждают или карают. Он почувствовал себя одиноким и потерянным, как в самые первые дни в круглом мире, когда была еще сильна память о том, что было Раньше.

Когда не было стен, а его звали по-другому, не Скотиной и не Сынком. Мальчик почувствовал, что все его убеждения рухнули, а потому осмелился взглянуть опять. На второй раз он прижался глазом к трещине почти на целую секунду. На третий раз — на один вздох. И увидел. Увидел зелень. Увидел синеву. Увидел похожее на свинку облако. Увидел красную крышу какого-то дома.

Сейчас мальчик стоит на цыпочках и, опираясь ладонями о холодный бетон, смотрит снова. Там, снаружи, светло, — конечно, это свет зари, думает мальчик. И там, снаружи, что-то движется. Темная фигура становится все больше и ближе. Внезапно мальчик понимает, что совершает самую страшную ошибку, самый непростительный проступок.

Мужчина, идущий по лужайке, — это Отец. Отец смотрит прямо на него. Будто услышав его мысли, Отец ускоряет шаг. Отец идет за ним.

И в руке у него нож.

II. Каменный круг

1

Кошмар начался в начале сентября, в субботу, в пять часов пополудни, когда некий мужчина в шортах попытался, размахивая руками, остановить поток проезжающих машин. На голове у мужчины была повязана футболка, защищавшая от пекла, а на ногах болтались потрепанные шлепанцы.

Наблюдая за ним из автомобиля и одновременно сворачивая на обочину, пожилой патрульный причислил мужчину в шортах к «полоумным». После семнадцати лет службы и нескольких сотен не мытьем, так катаньем утихомиренных пьянчуг и прочих буйных граждан он наловчился в два счета распознавать полоумных. А у этого типа, вне всяких сомнений, поехала крыша.

Не успели двое полицейских выйти из автомобиля, как мужчина в шортах осел на дорогу и свернулся клубком, что-то невнятно бормоча. Он казался измотанным и, похоже, страдал от обезвоживания, поэтому молоденький патрульный, проигнорировав брезгливый взгляд напарника, дал ему попить, достав бутылку воды из кармана на дверце машины.

После этого слова мужчины в шортах наконец удалось разобрать.

— Я потерял жену, — повторял он. — И сына.

Мужчину звали Стефано Мауджери. Этим утром он с семьей отправился на пикник за несколько кило-

метров отсюда, в Пратони-дель-Виваро. После раннего обеда он задремал, убаюканный свежим ветерком. Когда он проснулся, оказалось, что жена и сын исчезли.

Три часа он бродил кругами, безуспешно разыскивая своих, и в итоге, совершенно потерявшись и едва не свалившись с солнечным ударом, оказался на обочине дороги. Пожилой полицейский, слегка сбитый с толку, спросил Мауджери, почему он просто не позвонил жене на мобильник, на что тот ответил, что звонил, пока его телефон окончательно не разрядился, но все время попадал на автоответчик.

Теперь пожилой полицейский смотрел на Мауджери уже с меньшим скептицизмом. На срочных вызовах ему не раз приходилось выслушивать истории про сбежавших с детьми подмышкой благоверных, вот только до сих пор еще ни одна дамочка не бросала супруга посреди поляны. По крайней мере, если оный супруг был жив.

Патрульные отвезли Мауджери обратно к площадке для пикника. Там никого не оказалось. Любители отдыха на природе разъехались по домам, и только принадлежащий Мауджери серый «фиат-браво» одиноко стоял невдалеке от разложенной на траве пурпурной скатерти с остатками еды и игрушкой из мультика «Бен Тен» — способным перевоплощаться во всевозможных космических монстров юным супергероем.

Этот Бен Тен на их месте превратился бы в гигантскую муху и пролетел над лугами в поисках пропавших, однако патрульным не оставалось ничего иного, как позвонить в участок и поднять тревогу, инициировав одну из самых масштабных поисковых операций в этой местности за последние годы.

Тогда-то в дело и вступила Коломба. Ее ждал первый после долгого перерыва рабочий день. И явно один из худших.

Поджарая, широкоплечая, скуластая Коломба, казавшаяся чуть старше своих тридцати двух лет из-за пролеглих вокруг ее зеленых глаз преждевременных морщинок, неизменно притягивала внимание. Один ее любовник как-то заметил, что у нее лицо воительницы, способной скакать на коне без седла и срубить ятаганом головы врагов. Тогда она лишь рассмеялась и оседлала его самого, да так, что у него захватило дух. Однако сегодня, сидя на бортике ванны и не отрывая взгляда от зажатого в руке мобильного, на экране которого высвечивалось имя Альфредо Ровере, она чувствовала себя скорее жертвой, чем воительницей. Начальник мобильного отряда сысской полиции Ровере, формально остававшийся ее наставником и руководителем, звонил вот уже в пятый раз за последние три минуты: она ни разу не взяла трубку.

До сих пор в накинутом после душа халате, Коломба уже безбожно опаздывала на ужин к друзьям, прийти на который согласилась после долгих колебаний. Выписавшись из больницы, она большую часть времени проводила в одиночестве. Из дому она выбиралась разве что утром, часто на рассвете, — переодевшись в спортивный костюм, она бегала по набережной Тибра, который протекал под окнами ее квартиры, расположенной в двух шагах от Ватикана.

На набережной приходилось всегда быть начеку: помимо выбоин в мостовой, она должна была огибать то собачье дерьмо, то крыс, молниеносно выскакивающих из куч гниющих отбросов, — однако Коломбу ничуть не раздражали ни крысы, ни выхлопные газы проносящихся над ее головой машин. Хоть туристам этого и не понять, она любила Рим именно за грязь и скверну. После пробежки Коломба иногда заходила за продуктами в мини-маркет на углу, который держали двое

выходцев из Шри-Ланки, а по субботам даже добиралась до книжного киоска на площади Кавур, где набивала сумку подержанными книгами — классикой, детективами и любовными романами, которые читала на неделе. Почти ни одну из этих книг она не дочитывала до конца. Слишком запутанные сюжеты сбивали ее с толку, а слишком незамысловатые наводили сон. Ни на чем она не могла сосредоточиться по-настоящему. Временами ей казалось, что все попросту проходит мимо нее.

Не считая продавцов, Коломба могла за несколько дней не перекинуться словом ни с одной живой душой. Разумеется, она общалась с матерью, но ту достаточно было слушать, и за весь разговор не открыть рта. Изредка ей еще позванивали пара друзей и коллег. В редкие минуты самокопания Коломба понимала, что перегибает палку. От одиночества она не страдала, ей всегда было комфортно одной, но теперь она как будто стала безразлична ко всему миру. Она знала: проблема в том, что с ней случилось, во всем виновата Катастрофа, — но, как ни старалась, не могла пробиться сквозь невидимую пелену, отделяющую ее от остального человечества. В том числе и поэтому она заставила себя принять сегодняшнее приглашение, но в итоге у нее не было сил даже выбрать подходящую одежду, в то время как ее друзья допивали уже по третьему коктейлю.

Дождавшись, пока телефон замолчит, она снова взялась за расческу. В больнице ее очень коротко обстригли, но сейчас волосы отросли почти до обычной длины. Коломба успела заметить, что в волосах пробивается первая седина, когда зазвонил домофон. На несколько секунд она замерла с расческой в руке, надеясь, что ей послышалось, но тут звонок раздался снова. Она выглянула из окна: внизу стояла патрульная машина.

«Вот дерьмо!» — подумала она, схватила мобильник и перезвонила Ровере.

Шеф ответил после первого же гудка.

— За тобой приехали, — сообщил он вместо приветствия.

— Вижу, не слепая, — процедила Коломба.

— Я хотел тебя предупредить, но ты не брала трубку.

— В душе была. И вообще, я на ужин опаздываю. Так что извините, но придется вам отправить водителя туда, откуда он приехал.

— Даже не хочешь узнать, почему я за тобой послал?

— Нет.

— Я все равно скажу. Мне надо, чтобы ты прокатилась в Пратони-дель-Виваро.

— Что там стряслось?

— Не хочу портить сюрприз.

— Одного сюрприза с меня достаточно.

— Следующий будет поинтереснее.

Коломба фыркнула:

— Послушайте, может, вы забыли, но я в административном отпуске.

— Хоть раз за все это время я тебя о чем-то просил? — посерьезнел Ровере.

— Нет, ни разу, — признала она.

— Может, я пытался тебя заставить раньше времени вернуться, уговаривал остаться на службе?

— Нет.

— Значит, ты не можешь отказать мне в этой просьбе.

— Хрена с два не могу.

— Ты мне правда нужна, Коломба.

По его голосу понятно было, что так и есть. Несколько секунд она помолчала. Похоже, ее загнали в угол.

— Это действительно так необходимо? — наконец спросила она.

— Само собой.

— И вы не хотите рассказать, в чем дело.

— Не хочу влиять на твою точку зрения.

— Мило с вашей стороны.

— Так что? Да или нет?

«Это последний раз», — подумала Коломба.

— Ладно. Но скажите своему человеку, чтоб перестал названивать в домофон.

Ровере отключился. На пару мгновений Коломба замерла, уставившись на телефон, потом предупредила уже смирившегося с ее отсутствием приятеля, что не придет, выслушала его вялые протесты и натянула потертые джинсы и толстовку с «Angry Birds». В таком прикиде Коломбе и в голову не пришло бы явиться на службу. Поэтому она так и оделась.

Она схватила ключи с комода у входной двери и машинально проверила, пристегнута ли к ремню кобура. Пальцы ощутили только пустоту. Коломба сразу вспомнила, что со дня госпитализации ее табельный пистолет хранился в полицейской оружейной, и все-таки молодую женщину накрыло мерзкое чувство: словно споткнувшись о несуществующую ступеньку, она на миг перенеслась в прошлое, когда в последний раз потянулась за оружием, и это ощущение спровоцировало приступ паники.

Ее легкие тут же сжались, а по комнате замелькали стремительные тени. Неизменно оставаясь вне поля зрения, тени с визгом крались по стенам и половицам, а она не могла сфокусировать взгляд и лишь ловила их краем глаза. Коломба понимала, что тени ненастоящие, и все-таки чувствовала их каждой клеточкой тела. Ей стало страшно. От слепого, кромешного ужаса перехватило дыхание. Задыхаясь, она нащупала угол комода и с силой ударила по нему тыльной стороной

ладони. Боль взорвалась в пальцах и ударом тока отдалась в руке, но растаяла слишком быстро. Она ударяла еще и еще, пока кожа на костяшке одного из пальцев не лопнула и разряд, подобно сердечному дефибрилятору, не запустил ее легкие. Коломба едва не захлебнулась воздухом. Наконец она начала дышать ровнее. Тени исчезли, ужас растаял ледяной испариной на затылке.

Она жива, жива. На протяжении следующих пяти минут она, опустившись на пол, твердила себе эти слова, пока они не обрели смысл.

З

Еще пять минут Коломба, не поднимаясь с коленей, восстанавливала дыхание. Последний приступ паники был у нее много дней назад — да нет, прошло уже несколько *недель*. Приступы начались сразу после выписки из больницы. Ее предупреждали, что такое может случиться — и частенько случалось с пережившими подобное, — однако, судя по рассказам, она ожидала скорее легкой трясучки и бессонницы. Но первый приступ походил на землетрясение и поразил ее до глубины души, а второй оказался еще сильнее. От нехватки кислорода она потеряла сознание и подумала, что умирает. Приступы повторялись все чаще, иногда до трех-четырёх раз в день. Чтобы их спровоцировать, достаточно было всего лишь звука или, например, запаха дыма.

Психолог из больницы оставил ей свой номер на случай, если ей понадобится поддержка. Прямо-таки упрашивал к нему обратиться. Но Коломба не рассказывала о приступах ни ему, ни кому-либо еще. Она пробила себе дорогу в мире мужчин, многие из которых предпочли бы, чтобы она приносила им кофе, а не раз-

давала распоряжения с пистолетом за пазухой, научившись скрывать свои слабости и переживания. И потом, в глубине души она верила, что получила по заслугам — в наказание за Катастрофу.

Заклеивая пластырем разбитую костяшку, Коломба хотела было снова набрать Ровере и послать его на хрен, но так и не решилась. Она постарается, чтобы их встреча была настолько короткой, насколько позволит элементарная вежливость, а потом вернется домой и отправит по почте заявление об отставке, которое давно ждет своего часа в ящике стола. А уж после решит, чем занять остаток жизни. Остается лишь надеяться, что она не станет, подобно некоторым вышедшим на пенсию коллегам, крутиться возле полицейского участка, лишь бы снова почувствовать себя в кругу семьи.

Бушующая на улице гроза словно сотрясала весь мир. Коломба накинула поверх толстовки ветровку и вышла из дому.

Ожидавший за рулем машины паренек выскочил под ливень, чтобы ее поприветствовать:

— Я агент Альберти Массимо, госпожа Каселли.

— Садись в машину, промокнешь, — сказала она, усаживаясь на пассажирское сиденье возле водителя.

На разыгравшуюся сцену с любопытством глазели из-под зонтов несколько соседей. Она переехала сюда недавно, и не все были в курсе ее профессии. А может, и никто, учитывая ее нелюдимость.

В автомобиле Коломба сразу почувствовала себя как дома: мелькающее отражение проблескового маячка на лобовом стекле, полицейская радиочастота и приклеенные к козырьку фотографии разыскиваемых преступников казались давно не виденными старыми знакомыми.

«Неужто ты и правда готова подать в отставку?» — спросила она саму себя. Нет, готова она не была. Но ничего другого не оставалось.

Альберти включил сирену и тронулся.

— Вырубил, — фыркнула Коломба. — Мы не спешим.

— Мне приказано поторопиться, госпожа Каселли, — ответил Альберти, но послушно выключил сирену.

Это был светлокожий парнишка лет двадцати пяти с едва заметными веснушками. От него пахло лосьоном после бритья — аромат приятный, хоть и не слишком уместный в это время дня. Может, он таскал этот лосьон с собой и намазался специально, чтобы произвести на нее впечатление. Да и форма на нем была уж больно чистенькая и отутюженная.

— Ты новенький, что ли? — спросила она.

— Месяц назад закончил академию, госпожа Каселли, а до этого год прослужил в армии по контракту. Вообще-то, я из Неаполя.

— Поздновато ты начал.

— Если бы я провалил вступительный экзамен в прошлом году, то в этом уже не прошел бы по возрасту. Насилу успел.

— Ну, удачи тебе, — пробормотала она.

— Госпожа Каселли, можно вопрос?

— Давай.

— Как попасть в мобильный отряд?

Коломба скривилась. В мобильное спецподразделение мечтал попасть каждый второй патрульный.

— Во-первых, нужна рекомендация. Подаешь заявление начальству, проходишь обучение в криминальной полиции. Только если туда попадешь, заруби себе на носу, что там не так весело, как ты воображаешь. О нормальном рабочем графике можешь забыть.

— Позвольте спросить, а вам как удалось туда попасть?

— Сдала экзамен в Милане, два года прослужила в участке, потом перевелась в отдел по борьбе с наркотиками в Палермо. Четыре года назад, после назна-

чения Ровере, меня тоже перевели в Рим в качестве замначальника.

— В убойный отдел?

— Послушай моего совета, не говори «убойный отдел», если не хочешь, чтобы все считали тебя *пингвином*. — «Пингвинами» называли желторотых новичков. — Ты кино насмотрелся. Мы — спецподразделение по расследованию убийств, о'кей?

— Простите, госпожа Каселли, — сказал Альберти. Когда он краснел, веснушки становились более заметными.

Коломба решила переключить его внимание.

— Как вышло, что ты разъезжаешь в одиночку? — спросила она.

— Обычно я патрулирую в паре с коллегой со стажем, но тут я добровольно вызвался участвовать в поисках. Это мы с напарником сегодня натолкнулись на Мaudжери на провинциальной дороге.

— Просто представь, что я понятия не имею, о чем ты.

Альберти пояснил, в чем дело. Так Коломба узнала о мужчине в шортах и его исчезнувшем семействе.

— Вообще-то, в поисковой операции я не участвовал, а только съездил к ним на квартиру и подежурил возле дома, — закончил Альберти.

— Возле дома Мaudжери?

— Да. Если жена и сбежала, то с собой она ничего не взяла.

— А соседи что говорят?

— Ничего толкового, госпожа Каселли, но болтовни я наслушался с три короба, — сказал Альберти и снова расплылся в улыбке. Он не пытался сохранить каменное выражение лица, как обычно делали пингины, и это говорило в его пользу.

Коломба и сама невольно усмехнулась. После долгого перерыва соорудить на лице подобие улыбки стоило ей немалых усилий.

— Куда едем?

— Координационный центр поисковой операции находится на ипподроме в Виваро. Участвуем мы, карабинеры, пожарные и служба гражданской обороны. Ну и кучка добровольцев, которые в основном только путаются под ногами. Слухи уже поползли.

— Как обычно, — с досадой сказала Коломба.

— Была какая-то подвижка часа три назад. Я видел, как два «лендровера-дефендер» с несколькими полицейскими и магистратом направились в сторону Монте-Каво. Судья Де Анджелис, знаете такого?

— Да.

Судью она знала и была от него не в восторге. Франко Де Анджелис слишком уж обожал появляться на полосах газет. До пенсии ему оставалась всего пара лет. Поговаривали, будто он метит в Высший совет магистратуры и готов ради заветного назначения на все.

— Как далеко Монте-Каво от места пикника? — спросила она.

— Через лес километра два, а по дороге все десять. Хотите взглянуть на сводку? Распечатка в бардачке.

Помимо прочего, в документе были две взятые из «Фейсбука» фотографии пропавших. Лючия Балестри оказалась поблекшей тридцатидевятилетней женщиной с волнистыми черными волосами. Мальчишка был пухленький, в очках с толстенькими стеклами. На снимке он сидел за школьной партой и не смотрел в объектив. Мальчику было шесть с половиной лет. Звали его Лука.

— Пешком до Монте-Каво — не ближний свет. Неужели их с матерью никто не видел?

— Насколько мне известно, нет.

Снова зарядил дождь, и движение тут же замедлилось, но с помощью мигалки они разверзли море машин, словно Моисей воды, и за полчаса добрались до

съезда на Веллетри. На глаза Коломбе стали попадаться снующие туда-сюда полицейские автомобили и фургоны службы гражданской обороны, которые по приближении к ограде ипподрома слились в сплошной поток. Конный клуб представлял собой цепочку неприятзательного вида одноэтажных построек, возведенных вдоль скаковой дорожки.

Машина с черепашьей скоростью тащилась по дороге, загроможденной служебными и гражданскими автомобилями, автобусами карабинеров, каретами «скорой помощи», автоцистернами пожарных и даже парочкой фургонов телевизионщиков со спутниковыми антеннами на крышах и полевой кухней, над которой поднимался густой столб дыма.

«Только тира да аттракционов не хватает», — подумала Коломба.

Альберти притормозил за каким-то трейлером.

— Приехали, госпожа Каселли, — сказал он. — Господин Ровере ждет вас в оперативном центре.

— Ты там уже побывал? — спросила она.

— Да.

— Проводи меня, так быстрее будет.

Оставив машину на ручнике, Альберти повел Коломбу между заброшенных с виду построек. Оттуда доносилось конское ржание, и ей оставалось лишь надеяться, что навстречу им не вылетит какая-нибудь обезумевшая от грозы лошадь. Они подошли к одному из строений, которое охраняли двое полицейских в форме. Те кивком поприветствовали Альберти и проигнорировали Коломбу, приняв ее за штатскую.

— Жди здесь, — сказала она и без стука распахнула дверь, на которой висела бумажка с надписью «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИЦИЯ. БЕЗ ДОКЛАДА НЕ ВХОДИТЬ».

Она вошла в заставленное металлическими стеллажами помещение архива. За четырьмя необъятны-

ми конторками расположились полдюжины агентов в форме и в штатском, каждый из которых говорил по рации или по телефону. Над развернутой на столе картой склонился Альфредо Ровере — невысокий мужчина лет шестидесяти с аккуратно зачесанными назад редующими седыми волосами. Она заметила, что его ботинки и брюки по колено забрызганы грязью.

Сидевший у входа полицейский поднял глаза и узнал Коломбу.

— Госпожа Каселли! — вскочив, воскликнул он.

Коломба не помнила его имени — только позывной «Арго-03», который он использовал на смене. Все тут же умолкли и уставились на нее.

Коломба через силу улыбнулась и взмахом руки показала им, чтобы возвращались к работе.

— Пожалуйста, не обращайтесь на меня внимание.

Арго пожал ей руку:

— Госпожа Каселли, как поживаете? Нам вас не хватало.

— А вот я по вас не скучала, — неловко пошутила она.

Арго снова взялся за телефон, и вскоре гомон возобновился. Из реплик полицейских она поняла, что вдоль дороги выставлены посты. Странно. Это не входит в стандартную процедуру при розыске пропавших.

Ровере подошел к Коломбе и, глядя ей в глаза, слегка сжал ее плечи. Его дыхание отдавало табаком.

— Отлично выглядишь, Коломба. Правда.

— Спасибо, — ответила она.

Ровере, в свою очередь, показался ей усталым и постаревшим. Под глазами у него набухли мешки, и ему явно не помешало бы побриться.

— Что происходит?

— Все-таки любопытно?

— Нисколько. Но раз уж я здесь...

— Скоро сама увидишь. — Он взял ее под руку и развернул к двери. — Надо найти машину.

— Моя осталась на въезде.

— Не пойдет, нужен джип.

Они вышли наружу, и прислонившийся к стене Альберти тут же вытянулся по стойке смирно.

— Ты еще здесь? — спросил Ровере.

— Это я попросила его подождать, — вмешалась Коломба. — Надеялась скоро вернуться домой.

— Умеешь водить внедорожник? — спросил паренька шеф.

— Да, господин Ровере.

— Тогда вернись ко въезду и раздобудь джип. Мы тут подождем.

Альберти поспешно повиновался. Стоя под запрещающим знаком, Ровере закурил сигарету.

— Едем в Монте-Каво? — спросила Коломба.

— Вот так и пытайся ничего не рассказывать тебе заранее. Вечно ты все разнюхаешь, — отозвался он.

— Вы думали, я не догадаюсь побеседовать с водителем?

— Было бы неплохо.

— Ну и что там такое?

— Хочу, чтоб ты увидела своими глазами.

Едва не столкнувшись с мотоциклом дорожной полиции, во двор задним ходом въехал «дефендер».

— Наконец-то. — Ровере подхватил Коломбу под руку и повел к машине.

Она нетерпеливо вырвалась:

— Мы что, куда-то опаздываем?

— Да, еще полчаса, а то и меньше, и нам будут весьма не рады.

— Почему это?

— Могу поспорить, ты и сама догадаешься.

Ровере открыл перед ней дверцу машины.

— Я всерьез подумываю вернуться домой, — не шелохнувшись, сказала Коломба. — С детства терпеть не могла загадок.

— Обманщица! Тогда бы ты выбрала другую профессию.

— Это я и собираюсь сделать.

— Значит, ты точно решила? — вздохнул он.

— Абсолютно.

— Ладно, потом обсудим. Садись давай.

Смирившись, Коломба уселась сзади.

— Умница, — сказал Ровере, забираясь на переднее сиденье.

Следуя указанием Ровере, Альберти вырулил с территории ипподрома на дорогу Виваро, меньше чем через пять километров свернул на улицу деи Лаги и наконец выехал на шоссе, ведущее к коммуне Рокка-ди-Папа. Промелькнули последние домишки и забегаловка, где под навесом на веранде, попивая кофе, курили полицейские. Все гражданские как сквозь землю провалились. На глаза попадались лишь люди в форме и военные автомобили. Проехав еще километр, они выехали на дорогу к Монте-Каво.

Наконец они остановились: вокруг не было ни души. Где-то в конце тропинки сквозь кроны погруженных в сумрак деревьев просвечивали лучи прожекторов.

— Дальше пойдем на своих двоих, для джипа здесь слишком узко, — сказал Ровере и достал из багажника два ручных фонарика.

— Мне что, искать спрятанные записки?

— Не отказался бы хоть изредка получать столь явные подсказки. — Он протянул ей фонарик.

— Какие еще подсказки?

— Имей терпение.

Они пошли по тропе меж деревьев, ветви которых сплелись в зеленый свод. Теперь, когда дождь пере-

стал, наступила почти полная тишина, в воздухе веяло влажностью и гниющей листвой. Запах напомнил Коломбе, как в детстве они вместе с дядюшкой (ныне давно покойным) ходили по грибы. Ей так и не удалось припомнить, нашли ли они тогда хотя бы парочку.

И без того запыхавшийся от ходьбы Ровере снова закурил.

— Вот она, Священная дорога, — произнес он.

— Вы о чем? — спросила Коломба.

— Эта дорога когда-то вела к римскому храму. Видишь? Еще можно различить древнюю кладку. — Ровере навел фонарик на серые, стертые от времени базальтовые плиты. — Три часа назад одна из поисковых групп прошла по этой аллее до обзорной площадки.

— Какой обзорной площадки?

Ровере направил луч фонарика на темнеющие впереди деревья:

— Вон той.

Коломба, пригнувшись, пробралась сквозь заросли, и перед ней открылась просторная каменная терраса, огражденная железным парапетом. Десятью метрами ниже простиралась заросшая соснами и каменными дубами поляна. Между узкой дорожкой и деревьями были припаркованы два «дефендера» и полицейский фургон для перевозки технического оборудования. Снизу доносился приглушенный рокот дизельного генератора, от которого работали прожектора, и отзвуки голосов.

— Ребята заметили их по чистой случайности. — Ровере показал куда-то вниз, и она посветила за парапет.

На краю темноты мелькнул светлым бликом одинокий камень. Поначалу ей показалось, что за кустарник зацепился пластиковый пакет. Выхватив его из сумрака лучом фонарика, она поняла, что приняла за пакет пару свисающих с ветки и медленно покачивающихся